

ОТ КОГО МОГЛИ ЗАЩИЩАТЬ ГОТОВ В КРЫМУ «ДЛИННЫЕ СТЕНЫ» ПРОКОПИЯ?

Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский, говоря о современных ему готах в Крыму, писал: «Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранить от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов»¹.

Установление местонахождения остатков упомянутых Прокопием «длинных стен» очень важно для точного определения территории, заселенной готами в Крыму в VI в. Начатые в связи с этим в пятидесятых годах отделом археологии Крыма ИА АН УССР исследования не были доведены до полного завершения, добытый материал в значительной степени не опубликован, и вопрос остался открытым. Уже более 10 лет по этому немаловажному для истории раннесредневекового Крыма вопросу никаких публикаций не было.

История изучения вопроса о «длинных стенах» Прокопия и дискуссия по этой сложной теме достаточно подробно изложены в работах О. И. Домбровского и Э. И. Соломоник², и мы не считаем необходимым вновь пересказывать это. Однако напомним, что точка зрения, связывавшая «длинные стены» Прокопия с «пещерными городами», остатки которых находятся на второй гряде гор³, оказалась окончательно опровергнутой⁴ проведенными в пятидесятые годы исследованиями. В 60-е гг. О. И. Домбровским была выдвинута гипотеза, что «длинные стены» находились на северном краю плоскогорья первой гряды Крымских гор⁵, где им были обнаружены остатки стен. Но эта гипотеза вызвала возражения⁶ на том основании, что около открытых памятников не было найдено керамического и других материалов, которые можно было бы датировать VI в. Мы же считаем, что предложенный О. И. Домбровским вариант локализации «длинных стен» вполне логичен и правдоподобен. Что же касается отсутствия около этих стен «культурного слоя» — синхронного им керамического материала, то, по нашему мнению, его здесь и ожидать трудно, так как это не стены города или другого населенного пункта, где следы человеческой жизни

неизбежны. Это ведь оборонительные сооружения, выдвинутые далеко от жилых мест. Вместе с тем надо констатировать и тот факт, что в публикациях О. И. Домбровского нет четкого археологического описания остатков стен, почти нет иллюстраций, особенно графики⁷. Это, конечно, и помешало правильному представлению об обсуждаемых памятниках.

Считая, что работами вышеуказанного отдела остатки «длинных стен» обнаружены, мы возвращаемся к этому вопросу не только ради поддержки мнения о реальном существовании следов этих стен, но и в плане вопроса: от каких врагов эти стены должны были защищать готов?

Рассматривая карту-схему, изданную О. И. Домбровским в его первой специальной статье о «длинных стенах», мы видим показанные на ней перевалы и места сохранившихся и изученных им остатков стен, которые он считает «длинными стенами» Прокопия⁸. На этой карте видно, что на протяжении 8 км находится 15 перевалов. Этими данными пользовались и мы, составляя свою карту-схему юго-западного Крыма VI в. (рис. 1). У одиннадцати из этих перевалов отмечены реально найденные О. И. Домбровским остатки длинных стен. 9 из этих перевалов находятся в юго-западном Крыму, западнее горы Чатыр-Даг⁹, остальные восточнее. Перевал Кебит-Богаз справедливо О. И. Домбровским оценен как наиболее удобный колесный путь из Альминской и Салгирской долин на южный берег, к Алустону (нынешней Алуште).

Располагая данными карты О. И. Домбровского и ряда топокарт и учитывая, что во многих местах на значительные расстояния северные склоны Яйлы совершенно недоступны, можно согласиться, что все возможные подступы к плато главной гряды были достаточно ограждены от каких-то врагов готов с севера.

В остатках этих примитивных стен, сложенных, видимо, в большинстве случаев «насухо» и имевших в основании ширину около 2 м, ни П. И. Кеппен, ни О. И. Домбровский не нашли сохранившуюся верхнюю часть. Поэтому высоту этих стен О. И. Домбровский условно реконструирует «в рост человека»¹⁰, не очень считаясь с тем, что такая высота оборонительной стены требует создания на ней боевой площадки для воина и еще места для какого-то парапета и его прикрытия. В противном случае стена могла быть только забором, так как из-за нее без специальных подмостков поражать противника невозможно.

Нам в 1947 г. у юго-западной подошвы горы Чатыр-Даг на одном участке подобной стены пришлось видеть остатки ее на-вершия¹¹.

Кратко опишем результаты обследования этого небольшого отрезка «длинных стен»¹².

Стена находится на скате в 12—20 м у юго-западной подошвы горы Чатыр-Даг и тянется почти с юга на север 425 м.

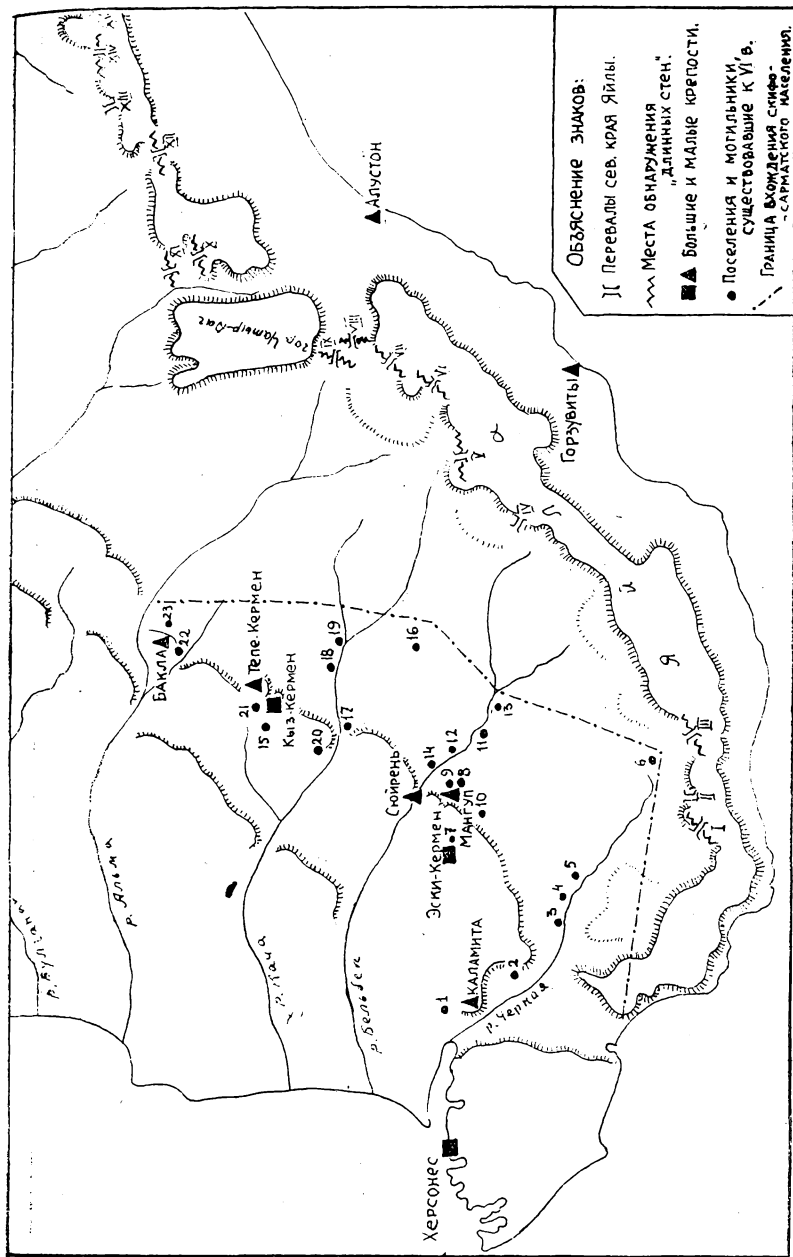

Рис. 1. Карта-схема юго-западного Крыма с указанием основных памятников VI в.

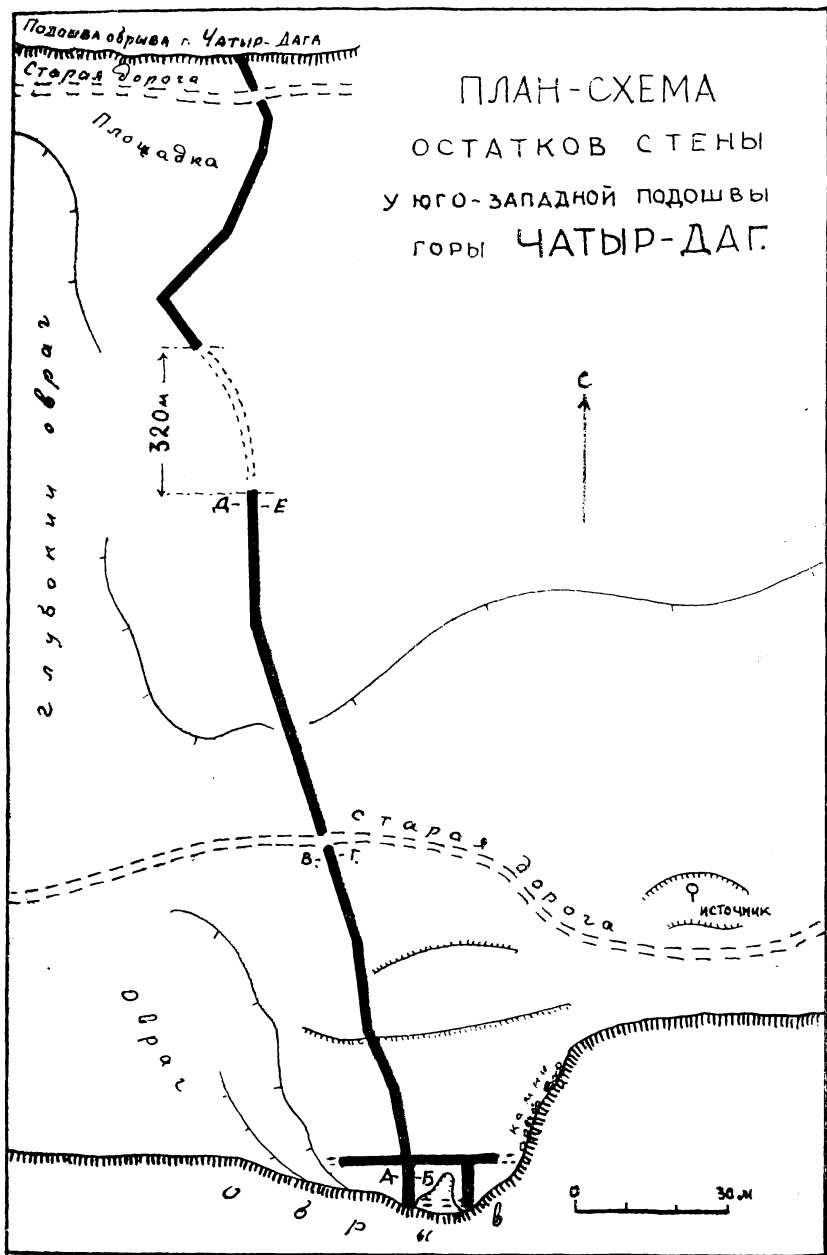

Рис. 2. План-схема остатков стены у юго-западной подошвы горы Чатыр-Даг

С юга этот скат ограничен значительным обрывом, над которым почти горизонтальная площадка размером примерно 50×50 м. Такая же, но меньшая по площади (30×30 м) находится на противоположной стороне ската, у самой подошвы горы. Остатки стены проходят по почти прямолинейному невысокому краю, ограниченному с запада глубоким оврагом, а с востока неглубокой ложиной. Овраг на расстоянии 50—55 м от обрыва имеет ступенеобразную седловину, по которой с запада на восток через проем в стене по нижней площадке проходила дорога. Примерно в 70 м восточнее проема в стене есть следы небольшого источника. У южной части стены, у обрыва, находятся остатки прямоугольного (10×12 м) каменного сооружения с отходящими от него к западу и востоку стенами. Южная часть сооружения совершенно разрушена. Стены сохранившейся части местами достигают высоты 1 м. Сложены они на скале из крупных, слегка обработанных камней местной породы, «насухо», с забутовкой довольно крупным камнем между панцирями (рис. 3, разрез А—Б); при составлении разрезов кладка стен не разбивалась. В восточной части южного комплекса, на краю обрыва на протяжении 20 м виден ряд крупных камней или обломков скалы.

Отходившая непосредственно от этого комплекса к северу стена имела в основании ширину до 2,20 м. Не доходя до круто поднимающегося скалистого склона Чатыр-Дага 45 м, она описывала (в плане) дугу, обращенную выпуклой частью к востоку, и примыкала к скалам. Здесь, в этом изгибе стены, видимо, были еще одни ворота для дороги, шедшей с запада вдоль обрывов Чатыр-Дага.

Планировка всего комплекса, характер южного сооружения, северного дугообразного участка, наличие проемов в стене, расположенных в противоположных частях ее, прекрасное понимание строителями конкретных условий местности и, наконец, местоположение источников воды говорят о том, что это остатки не просто межевого забора, а продуманного, хотя и примитивно сделанного, военно-оборонительного сооружения, рассчитанного на встречу противника, идущего в данном случае с запада.

Конструкции и строительные приемы сохранившихся остатков стены около южного проема, а также фрагмента стены, тянувшейся на 70 м к северу от этого проема (рис. 3, разрезы В—Г, Д—Е), представляются нам следующими. На поверхность почвы клались на равном расстоянии друг от друга два ряда крупных, уплощенных, слегка обработанных камней, образующие два нижних панциря стены — внешний и тыльный. Затем пространство между этими рядами заполнялось бутом, при этом довольно крупным. Употреблялся ли здесь какой-либо раствор, сказать трудно: кладка стены нами не разбиралась. Далее на нижние ряды камней клался один ряд крупных камней, которые при этом слегка сдвигались внутрь. Пространство между ними

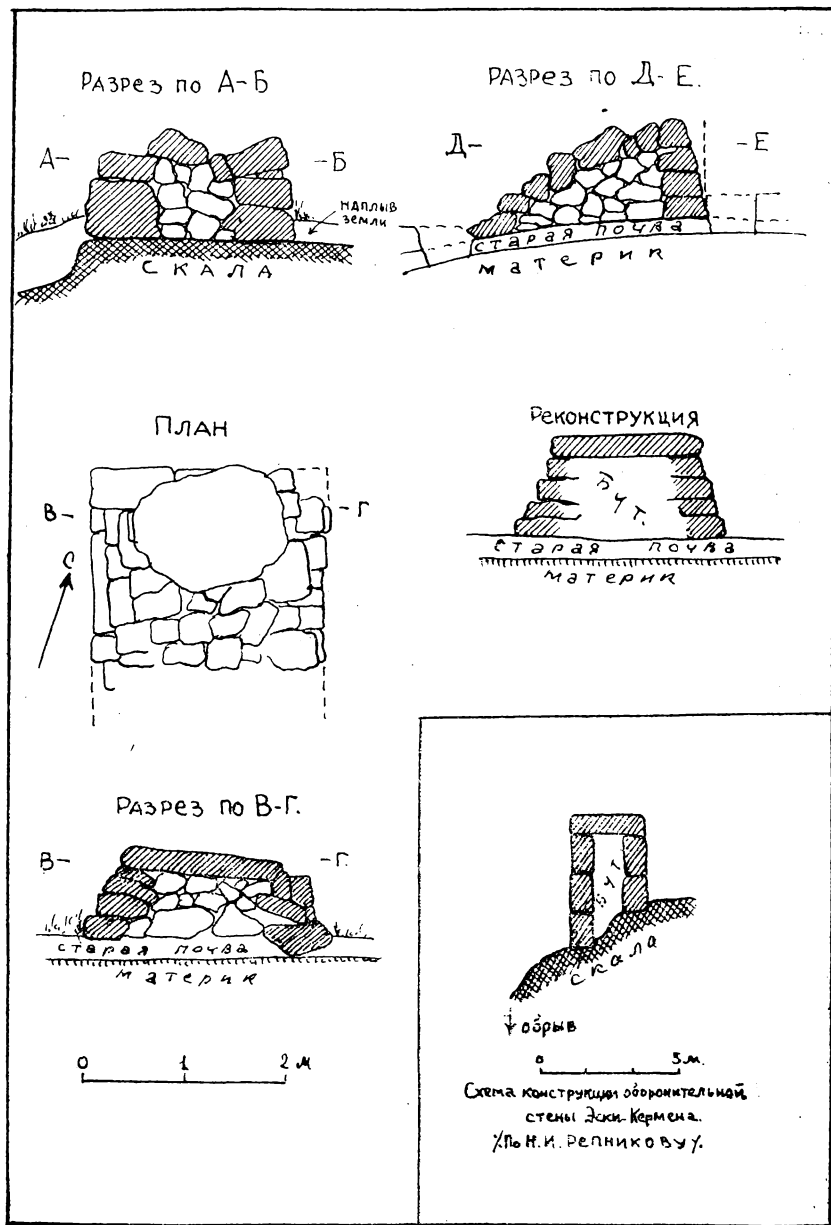

Рис. 3. Детали стены у юго-западной подошвы горы Чатыр-Даг.

вновь заполнялось бутом. Затем клался третий ряд камней, тоже несколько сдвинутый внутрь, и так далее, до тех пор пока стена не достигала нужной высоты, при этом горизонтальный шов кладки не выдерживался. После этого верх сужающейся кладки накрывался большой плоской плитой, которая перекрывала оба панциря, скрепляя их своим весом, служила верхом стены. В данном случае высота стены получалась примерно 1 м, а ширина верха достигала 1,4 м. Стена-бруствер получалась достаточно крепкой и высокой, позволяющей воину-лучнику удобно стрелять и хорошо его защищающей. «Мертвого пространства» впереди такой стены не было. Это была не настоящая крепостная стена, а длинная боевая ограда, вполне пригодная для сдерживания противника. Глубокий овраг, с запада отстоящий от стены на 20—30 м, служил ей рвом, но не увеличивал ее высоту, а только затруднял подступы к ней. Если предположить, что все открытые О. И. Домбровским следы «длинных стен» имели подобную конструкцию, и учесть, что во многих местах обрывы Яйлы были недоступны, то станет ясно, что вся система обороны северных подступов к плоскогорью главной гряды была достаточно серьезно продумана и осуществлена. Конечно, местами, при пересечении небольших лощин, стена могла быть и выше, но тогда с ее тыльной стороны нужна была подсыпка или подкладка камней. В отдельных, особо важных местах могли создаваться и более солидные сооружения с употреблением раствора или извести с песком.

Упомянув об этой стене, О. И. Домбровский справедливо отмечает, что принцип ее конструкции можно сравнить с конструкцией оборонительных стен Эски-Керменского городища, которые Н. И. Репников датировал V—VI вв.¹³ Мы обращаем внимание на то, что в обоих случаях характерным является перекрытие двух панцирей стены одной большой плитой, а не лицевые камни постройки (рис. 3). Бутовая часть при такой конструкции не играла решающей роли в крепости стены, особенно в том случае, если она не была залита раствором извести с песком¹⁴. Однако стены Эски-Кермена, в отличие от рассматриваемой стены, имели соответствующую сторону верха, парапет, за которым стоял воин. Поднять воина на стену здесь было необходимо (как бы стена ни была низка) для того, чтобы уменьшить «мертвое пространство», получающееся под обрывом скалы.

Мы не одиноки в мнении, что выявленные О. И. Домбровским на северной кромке Яйлы остатки стен являются следами «длинных стен» Прокопия, а тем самым и в вопросе о локализации страны Дори¹⁵. Но вместе с тем у нас возник новый вопрос: от кого могли защищать готов Прокопия эти стены? Согласиться с мнением, что нападающими могли быть кочевники¹⁶, владевшие тогда степной частью полуострова, мы не можем. Мы считаем, что путем к решению этого вопроса может стать картографирование остатков раннесредневековых (до VII в.) посе-

лений и их могильников, известных главным образом в юго-западном Крыму и находившихся между первой и второй грядами гор. Исходя из положения, высказанного нами ранее и принятого как гипотеза в советской науке, что население позднего скифского государства, состоявшее главным образом из скифо-сарматских племен и проживавшее в значительном количестве в первые века н. э. по нижнему течению р. Булганак, Альмы, Качи и Бельбека, под натиском вторгавшихся во второй половине III — V в. в пределы Крыма кочевников принуждено было покинуть свои обжитые места и переселиться в горные долины, лежащие между первой и второй грядами гор¹⁷, которые до этого времени, видимо, были заняты горными племенами, в основном потомками тавров античного времени¹⁸. Новые обитатели горных долин для своей защиты создали к VI в. на второй гряде, вероятно, при содействии Византии, стремящейся обезопасить свой Херсон (Херсонес), ряд укрепленных убежищ и военно-опорных пунктов, впоследствии превратившихся в укрепленные города и замки. Часть этих пунктов известна в литературе под названием «пещерные города»¹⁹.

Как сложились к VI в. взаимоотношения между горными племенами и населением новых поселений в долинах, мы не знаем. Возможно, еще в III в. в условиях общей опасности они были мирными, а впоследствии, в связи с захватом земель переселенцами, могли возникать и вооруженные столкновения — сказать об этом пока трудно. Мы знаем только, что археологические памятники нового населения V—VI вв., связанные со скифо-сарматской культурой — главным образом «катакомбные» могильники с их характерными погребальными сооружениями и погребальным инвентарем, — не заходя глубоко в горы, доходят до южной стороны второй гряды (рис. 1²⁰). Туж же стоит отметить, что на месте некоторых раннесредневековых могильников выявлены остатки более древних «таврских» поселений, например могильники у высоты «Сахарная головка» около Белокаменска (быв. Инкерман) и на территории Скалистинского могильника на р. Бодрак²¹.

Приводя список раннесредневековых населенных пунктов и могильников в юго-западном Крыму, которые могли существовать в VI в., мы делаем оговорку: некоторые из них из-за незначительной обследованности пока не дали материала для указанного времени. Даже если мы в отдельных случаях и ошибаемся, то, учитывая места расположения могильников: у с. Родниковое (№ 6), Араматнинский (№ 13), Скалистинский (№ 22) и следы поселения на территории с. Верхореченское (№ 19), указанная нами на карте (рис. 1) условная граница проникновения скифо-сарматского населения в горные районы остается верной по существу.

В бассейне р. Черная, кроме Каламита, мы имеем

1) ²² могильник у Цыганского тоннеля близ Белокаменска

(Инкерман). Здесь при строительстве еще в конце XIX в. было нарушено не менее 10 земляных склепов. К какому поселению относится могильник, пока не известно²³;

2) могильник у высоты Сахарная головка в нижней части инкерманской долины: В начале 50-х гг. здесь исследовано 54 подобных могильника, 28 земляных склепов, 10 грунтовых могил и 1 погребение в амфоре. Среди погребального инвентаря найдены комплексы VI в.

Могильник раскопан не полностью. Поселение, относящееся к нему, находилось рядом, севернее могильника²⁴;

3) могильник в центральной части западного склона Телеграфных высот, в 400 км от р. Черная. В 1950 г. на поверхности склона были видны характерные остатки «севших» склепов и лежали отдельные плиты каменных закладов. Могильник не раскапывался²⁵. Поселение, относящееся к могильнику, не обнаружено;

4) второй могильник на западных склонах тех же высот, в их южной части. В 1898 г. примерно здесь было раскопано 15 захоронений, в том числе один земляной склеп, а в 1950 г. в окопах времен Великой Отечественной войны было отмечено до десятка «обрезов», характерных для подобных склепов²⁶. Следов поселения, относящегося к могильнику, не обнаружено;

5) Чоргунский могильник расположен на холме на северо-восточной окраине с. Чернореченское, на правом берегу р. Черная. Здесь на площади в 1 га в 50-х гг. была видна осадка земли, характерная для «севших» склепов²⁷. Поселение, относящееся к этому могильнику, видимо, было на месте современного села;

6) Родниковский (Узенбекшский) могильник на восточной окраине с. Родниковое в глубине Байдарской долины. Изучено за ряд лет 11 земляных склепов и 1 грунтовая могила. Раскопан частично. Среди находок — монета Феодосия II (408—450). Следы синхронного поселения прослеживались на месте современного села²⁸.

В бассейне р. Бельбек, кроме широко известного, но ныне спорного по времени возникновения Суйреньского укрепления, мы назовем:

7) городище Эски-Кермен и его могильник, на территории которого раскопано 13 подобной могил, 66 земляных склепов и 40 грунтовых могил. Среди погребального инвентаря находки VI в.²⁹;

8) Мангупский могильник, верхний, находящийся на восточном краю плато, где изучены 2 склепа, высеченные в скале, которые можно отнести к VI в. Могильник относится к поселению, возникшему в IV—V вв. на мысе Тешкли-Бурун на месте поздней цитадели³⁰;

9) Мангупский могильник, нижний, в балке Алмалык у восточной подошвы горы. Вскрыт 1 земляной склеп. В его округе,

на подъеме к горе, наблюдается в зарослях большое количество характерных почвенных провалов. Следы значительного поселения выше могильника³¹;

10) Терновский могильник на западной окраине с. Терновка. Открыт во время расширения шоссе, идущего от села в сторону Инкермана. В 1972 г. изучено 2 земляных склепа из 5 обнаруженных, датируются VI в. Поселение, видимо, находилось на территории современного³²;

11) следы раннесредневекового поселения на левом берегу р. Бельбек на плоской вершине, лежащей к юго-западу от с. Голубинко (быв. Верхняя Фотисала). Найденный здесь керамический материал позволяет отнести поселение к V—VII в.³³;

12) следы синхронного поселения обнаружены над пос. Куйбышево (быв. Аобат) на возвышенной террасе, на правом берегу р. Бельбек. Подъемный керамический материал относится к позднеантичному и раннесредневековому времени³⁴;

13) Ароматнинский могильник на левом берегу р. Бельбек, у места впадения в него руч. Кокозка (территория совхоза «Ароматнинский»). Обнаружено 20 земляных склепов, из которых изучено 8. Датируется VI—VII вв. Место поселения, к которому относился могильник, не установлено³⁵;

14) Могильник у юго-западной стороны с. Большое Садовое (быв. Кучук-Сюрень) на правом берегу р. Бельбек. Обнаружено более десятка разрушенных склепов. Исследовано 3. Севернее могильника есть следы синхронного могильнику поселения³⁶.

В бассейне р. Кача, кроме городища Тепи-Кермен и спорно-го в датировке Кыз-Кермен, мы имеем:

15) Чуфуткальский могильник в балке Майрам-Дере, на восточной окраине г. Бахчисарай, на юго-западном склоне горы, где расположено городище Чуфут-Кале. Раскопан не полностью. Пока изучены 21 подобная могила, 93 земляных склепа и 2 грунтовые могилы. Судя по находкам, существовал в VI в. Синхронное поселение располагалось ниже, в той же балке³⁷;

16) Лакский, или Пещернинский, могильник, находящийся недалеко от дороги, идущей из с. Пещерное (быв. Нижний Керменчик) и Горянка (быв. Лака). Выявлено 3 земляных склепа, которые не исследовались. Поселения, относящиеся к могильнику, не обнаружены³⁸;

17) Баштановский могильник на левом берегу р. Кача, в восточной части с. Баштановка (быв. Пычки). Исследовано 7 земляных склепов. В ближайших обрывах глинища видно до десятка разрушенных подобных склепов. Среди находок есть вещи VI в. Поселение, относящееся к могильнику, было на месте современного села. Возможно, что к этому могильнику относилось и раннесредневековое поселение, лежавшее на правом берегу реки и известное под именем Качи-Кальен³⁹;

18) Верхореченский, или Биасальский, могильник на правом берегу р. Кача, между селами Кудрино (быв. Шуры) и Вер-

хореченское (быв. Бия-Сала). Открыт при расширении шоссе, проходящего через эти села. Исследован один земляной склеп. Поселение, относящееся к могильнику, не выявлено ⁴⁰;

19) на территории с. Верхореченское, в месте впадения р. Матра в р. Кача, на правом берегу Качи, при шурфовке обнаружены следы поселений IV—V вв.—позднего средневековья ⁴¹.

20) Фыцкинский могильник, находящийся восточнее Фыцкинского городища. Исследован один земляной склеп ⁴². Городище не изучалось и не датировано;

21) могильник в балке Ашлама-дере у юго-восточной подошвы горы, на которой стоят развалины средневекового городища Чуфут-Кале. Обнаружено 9 земляных склепов, из которых исследован один ⁴³.

В западной части бассейна р. Альмы известны:

22) Скалистинский, или Баклинский, могильник, на возвышенности с восточной стороны с. Скалистое (быв. Бодрак), на правом берегу р. Бодрак (приток р. Альма). Изучен полностью: 36 подбойных могил, 796 земляных склепов, 8 грунтовых могил разных типов. До 300 разных (главным образом, в склепах) погребальных сооружений уничтожено до начала археологических работ. Общая площадь могильника около 4 га. Дата: конец IV—начало IX в. Поселение располагалось в балке, севернее могильника ⁴⁴. В километре к востоку от могильника находится раннесредневековое городище Бакла;

23) комплекс, состоящий из селища и могильника, условно назовем Южно-Баклинский, так как он находится южнее городища Бакла. На могильнике изучены 4 земляных склепа и 1 грунтовая могила ⁴⁵.

Городище Кермен, расположенное в верховьях р. Бодрак, за с. Трудолюбовка (быв. Новый Бодрак), как еще не датированное, мы в список не включаем.

Картографированные 23 пункта занимают определенную территорию между главной и второй грядами гор в юго-западной части полуострова и включают наиболее удобные для жизни и земледелия зоны горных долин (рис. 1). К югу и юго-востоку от этой территории начинаются значительные возвышенности, узкие овраги и ущелья, идущие вплоть до северных обрывов главной гряды. На этой территории следов раннесредневековых поселений и могильников V—VI вв. до сих пор не обнаружено. Здесь преобладают главным образом таврские могильники с погребениями «в каменных ящиках». Средневековые памятники известны здесь не ранее VIII в. Примером могут служить остатки поселений у с. Высокое (X в.), Нагорное (VIII в.), комплекс остатков поселений на горе Бойка (VIII в.), у с. Путиловка (IX в.), Поляна (VIII в.), укрепление на горе Сандык-Кай (VIII в.), у с. Новополье (VIII в.), Колхозное (VIII в.) ⁴⁶, а также пещерный комплекс на горе Базман (VIII в.), изученный

О. И. Домбровским⁴⁷. Признаков могильников «катакомбного» типа здесь пока не обнаружено.

Мы полагаем, что из района, занятого к VI в. населением, пришедшим из предгорий и связанным в прошлом со скифо-сарматским миром, племена тавров, до того обитавшие здесь и не ассимилировавшиеся, были постепенно оттеснены в глубь горного района. Если мы правильно представляем весь этот процесс, то вполне вероятно, что последствия его имеют прямую связь с причинами, вызвавшими появление в VI в. «длинных стен», о которых сообщает Прокопий. Нам представляется, что оттесненные в горы с севера новым населением долин племена потомков тавров вынуждены были сделать серьезные попытки расширить свои владения и выйти на Яйлу — прекрасное место для пастбищ или проникнуть на свои исконные земли на побережье, занятое к тому времени готами. Вот тогда, в той реальной обстановке первой половины VI в., и встала необходимость сооружения каких-то оборонительных построек по всей северной кромке плато главной гряды. Но это требовалось для защиты не от кочевников-степняков, а от горных племен потомков тавров античного времени.

Некоторая примитивность этих оборонительных сооружений вполне соответствовала вооруженности предполагаемых нами врагов готов. Считать же, что «длинные стены» создавались для сопротивления степнякам, по нашему мнению, не имеет основания еще и потому, что враги-кочевники, чтобы подойти к «длинным стенам», должны были сначала столкнуться с населением горных долин, преодолеть их оборонительные пункты на второй гряде гор и одолеть в условиях труднопроходимой местности для кочевников сопротивление горных племен.

Ставя, конечно, на обсуждение нашу гипотезу о том, кто был врагом готов и против кого создавались «длинные стены», о которых повествует византийский историк Прокопий, мы ясно представляем ту огромную работу, которую нужно еще сделать, чтобы окончательно решить этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прокопий из Кесарии. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1939, № 4, с. 249—250.

² Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір. — Археологія, 1961, т. 12, с. 155—166; Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори. — В сб.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 11—14.

³ Тихонова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. — МИА, 1953, № 34, с. 324; Якобсон А. Л. О раннесредневековых стенах Мангупа. — КСИИМК, 1949, вып. 29, с. 55 и след.; Его же. Византия в истории раннесредневековой Таврии. — СА, 1954, № 21, с. 148 и след. В более поздних своих работах А. Л. Якобсон прямо не говорит о «длинных стенах», скрывая это под термином *limus tauricus*, см.: Очерки истории. М., 1958, гл. 6, с. 540; Его же. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 1959, № 63, с. 26—27.

⁴ Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.—СА, 1958, № 1, с. 71—79; *Его же*. Оборонительные сооружения Эски-Кермена.—В сб.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 48—53; *Талис Д. Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврии и литература последних лет.—ВВ, 1962, т. 19, с. 152, 153.

⁵ Домбровский О. И. Стародавні стіни..., с. 11—14.

⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 153—154, примеч. 41.

⁷ Антонова И. А., Даниленко В. Н. Рец. на сб.: Археологические исследования средневекового Крыма.—СА, 1972, № 2, с. 229.

⁸ Домбровский О. И. Стародавні стіни..., с. 156, рис. 1.

⁹ Следуя с запада: Байдарский, Мердвень (Чертова лестница), Тарпан Баирский (Акбашский), Ауткинский (Иограф-Богаз), Гурузфское седло (Гурбет-Дере-Богаз), Талма-Богаз, Чемнобурунское седло, Кибит-Богаз, Ат-Чокрак-Богаз. На нашей карте-схеме эти перевалы отмечены римскими цифрами в этой последовательности. На карте О. И. Домбровского слово *кебит* написано через *ц*, а в тексте через *е* (правильно последнее).

¹⁰ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори, с. 36.

¹¹ Для нас непонятно, почему О. И. Домбровский не использовал наш географический материал, а только упомянул его в тексте. По карте О. И. Домбровского, это перевал Ат-Чокрик-Богаз. (См.: Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори, с. 34—35).

¹² Веймарн Е. В. Отчет о работе горного отряда Тавро-скифской экспедиции в 1947 году.—Арх. отд. археологии Крыма ИА АН УССР. Иллюстрации см.: Арх. ИА АН СССР, Р—1—272, фото 224—229.

¹³ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок.—ИГАИМК, т. 12, вып. 8, с. 114, 115 (рис. 7), 116 (рис. 8), 129, 130 (рис. 20); *Его же*. Остатки укреплений Эски-Кермена.—Там же, с. 184, 202 (рис. 54).

¹⁴ Необходимо уточнить: Н. И. Репников, ссылаясь на аналогии в Херсонесе, говорит о «постелях» и об облицовке, а не о конструкции стен (См.: Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена, с. 184, 204, примеч. 2). По конструкции же наиболее близка стене «аппарель» в Херсонесе, датируемая V в. (За консультацию по этому вопросу мы благодарны И. А. Антоновой).

¹⁵ Антонова И. А., Даниленко В. Н. Рец. на сб.: Археологические исследования средневекового Крыма, с. 228—229; *И. С. Пиоро*. Основні питання ранньої середньовічної археології південно-західного Криму.—Вестн. Киев. ун-та. Сер. історії, 1970, вып. 117, с. 97; О путях проникновения готов на южный берег Крыма мы писали в работе: Одна з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму.—Середні віки на Україні. Київ, 1971, т. 1, с. 61—65.

¹⁶ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори, с. 19, 32.

¹⁷ О нижней и верхней дате см.: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, М.—Л., 1949, с. 443—447; *Якобсон А. Л.* Очерки истории СССР. М., 1958, гл. VI, с. 547; О начале проникновения скифо-сарматского населения в горы см.: *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, с. 70, рис. 20 (карта).

¹⁸ Завершающими периодами истории и культуры тавров уже многие годы специально никто не занимается, что пагубно отражается на понимании раннесредневековой истории юго-западного Крыма. (См.: *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, с. 18, примеч. 81). Последняя работа в этом направлении: *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.—В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 250—252.

¹⁹ Эти положения разрабатывались нами в 50-х гг. (См.: *Веймарн В. Е.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг., с. 71—79; *Его же*. Оборонительные сооружения Эски-Кермена.—В сб.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 7—54;

Его же. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму.— КСИА АН УССР, 1960, т. 10, с. 109—117). См. также: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 311; *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, с. 188; *Зинкевич Г. П.* Антропологические материалы могильников юго-западного Крыма. Киев, 1973. Время существования некоторых пещерных городов может быть датировано VI в. (Каламита, Эски-Кермен, Мангуп-мыс, Тешкли бурун, Тепе-Кермен, Бакла-цитадель), время возникновения Сюреньского укрепления и городища Кыз-Кермен сейчас дискутируется, но мы считаем их памятниками VI в.

²⁰ Предполагаемая карта-схема не претендует на исчерпывающий характер. Материалов для картографирования накоплено много, но они не изданы. Попытка А. Л. Якобсона восполнить этот пробел для средневековых памятников юго-западного Крыма (см.: МИА, 1970, № 168, с. 10—29, с. 30—31, карта) неудачна: на карте из 22 знаков V—VII вв. в тексте упомянуто только 16.

²¹ Литературу об этих могильниках см. ниже. Раннесредневековые могильники южного берега нами не приводятся, их пока известно 7: Суук-су, два Семензских, Артекский, Кореизский, Ялтинский, Алуштинский, Фунский; единственный из них широко раскопанный — Суук-су. Отличие его от синхронных могильников северных склонов гор в том, что в нем преобладает другой тип погребальных сооружений — погребение в ямах, тогда как в могильниках северных склонов господствуют склепы и подбойные могилы. Есть и количественная разница в находимых комплексах «готского» инвентаря (большие серебряные пряжки, пальчатые фигуры и характерные височные кольца).

²² Та же нумерация памятников и на нашей карте-схеме.

²³ *Кацур Н. П.* Археологічна карта інкерманської долини.— КСИА АН УССР, 1963, т. 13, с. 12; *Веймарн Е. В.* Отчет инкерманской экспедиции. 1950.— Арх. ИА АН СССР; *Богданов А.* О черепаха крымских могил и донских курганов.— Антропологическая выставка. М., 1886, т. 4, ч. 1, с. 123—144.

²⁴ *Кацур Н. П.* Археологічна карта..., с. 12; *Веймарн Е. В.* Могильник біля висоти «Сахарна голівка».— КСИА АН УССР, 1963, т. 13, с. 42—71; *Борисова В. В.* Могильник у висоти «Сахарная головка».— ХС. Симферополь, 1959, вып. 5, с. 169—190.

²⁵ *Кацур Н. П.* Археологічна карта..., с. 12; *Веймарн Е. В.* Отчет инкерманской экспедиции...

²⁶ *Кацур Н. П.* Археологічна карта..., с. 12; Арх. Херсонес. музея, № 39; *Веймарн Е. В.* Отчет инкерманской экспедиции...

²⁷ *Кацур Н. П.* Археологічна карта... с. 12; *Веймарн Е. В.* Отчет инкерманской экспедиции...; *Мосберг Г. И.* Могильники римского времени юго-западного Крыма.— СА, 1946, № 8, карта III, 3.

²⁸ *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году.— ИАК, 1909, вып. 30, с. 113—119; *Эрнст Н. Л.*— Арх. ЛО ИА АН СССР, д. 1926 г., № 94; *Якобсон А. Л.* Отчет о работе экспедиции ИИМК АН СССР в Крыму в 1958 году.— Арх. ЛО ИА АН СССР.

²⁹ *Репников Н. И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.— ИГАИМК, 1932, т. 12, вып. 1—8, с. 107—152; *Его же.* Остатки укреплений Эски-Кермена.— Там же, с. 181—212; *Его же.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928—1929 гг.— Там же, с. 153—180; *Его же.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма (рукопись).— Арх. ЛО ИА АН СССР, ф. Н. И. Репникова; *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена.— В сб.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 7—54.

³⁰ *Веймарн Е. В.* Мангуп. Разведки.— МИА, 1953, № 34, с. 421—424; *Его же.* Работы на середньовічному Мангупі.— Археологічні дослідження на Україні в 1969 году. Київ, 1972, вып. 4, с. 261.

³¹ По материалам автора.

³² *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции 1972 г.— Арх. ЛО ИА АН СССР.

³³ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврии.— МИА, 1970, № 168, с. 17 (№ 19), с. 30—31, № 19, карта.

³⁴ Там же, с. 17, № 21.

³⁵ *Лобода И. И.* Новые раннесредневековые могильники в юго-западном Крыму.— СА, 1976, № 2, с. 137—147.

³⁶ Там же, с. 135.

³⁷ *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму.— КС ИА АН СССР, 1965, вып. 100, с. 108—113; *Его же.* Из истории средневекового Крыма.— СА, 1958, № 28, с. 198—218; *Соколова К. Ф.* Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма.— В сб.: История и археология средневекового Крыма, с. 63—87.

³⁸ *Никитин Г. А.* О древних памятниках на горе Крестовой, у с. Пещерного и Чертовой лестнице.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 332—333.

³⁹ *Веймарн Е., Чореф М.* «Корабль» на Каче. Симферополь, 1976, с. 50—65.

⁴⁰ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения..., с. 14 (№ 8).

⁴¹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения..., с. 14 (№ 8), 30—31 (№ 8, карта);

⁴² *Репников Н. И.* Городище Качи-Кальен.— ИГАИМК, 1935, вып. 117, с. 111—113; *Веймарн Е., Чофер М.* «Корабль» на Каче, стр. 16, 18.

⁴³ *Лобода И. И.* Новые раннесредневековые могильники..., с. 136.

⁴⁴ *Корпусова В. Н.* Скалистинский могильник.— В кн.: Сб. докл. на VI и VII Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1963, с. 72—82; *Веймарн Е. В., Смирнов А. П.* Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое.— КСИА, 1965, вып. 100, с. 102—107; *Веймарн Е. В.* Основные результаты исследования Скалистинского могильника.— В сб.: Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 265—267.

⁴⁵ Сведения о могильнике получены от Д. Л. Талиса, А. А. Шепинского и О. А. Махневой, которым автор глубоко благодарен. (От редколлегии: работы Крымской экспедиции Уральского университета эту датировку не подтвердили. См. с. 121).

⁴⁶ МИА, вып. 168, 1970, с. 16—20, № 12, 14—18, 31. Археологическая карта А. Л. Якобсона. Тут же литература.

⁴⁷ *Иванов Б. Н., Дублянский В. Н., Домбровский О. И.* Басманские пещеры в горном Крыму.— Крымское гос. заповедно-охотничье хозяйство. Симферополь, 1963, с. 27—32.